

Евдокимова Е. А.

**Личность преподобного Сергия Радонежского
в прозе Бориса Зайцева**

Своим очерком «Преподобный Сергий Радонежский», Борис Зайцев не только почтил память святого, но и оказал услугу русской культуре. Казалось бы, зачем создавать еще одну версию жития после столь многих опытов, причем не только в древности, но и в недавнем для Зайцева прошлом? Так, в начале XX века архиепископ Никон составил новое изложение жития. Между тем очерк Зайцева не сводится к еще одному пересказу.

Чтобы почитание того или иного святого не имело чисто ритуальный характер, его образ должен быть живым и актуальным для конкретного человека. В древности прочная, живая связь со святым возникала после некоей вспышки: неотмирный свет – святость святого – становились явными в этом мире для молящегося через какое-либо действие (помощь) святого. Это событие могло произойти и при жизни святого и после его смерти. Собственно, такими событиями и создавалось почитание святого. Но оно создавалось людьми, хоть сколько-нибудь «близкими» ему. То есть милосердное действие со стороны святого чаще всего подразумевает расположенность к встрече с ним. Повторю, такие события органичны в случае если не пространственной близости, то, по крайней мере, временной.

У человека XXI и даже XX века такой непосредственной соотнесенности со святым XIV века нет. Конечно, она должна и может возникнуть при чтении «Жития». Но читающий должен быть готов и сильно хотеть этой встречи, усилием пробиваться к ней как через строгость и сухость канона, так и через архаику языка древних авторов. Не так легко многословное красноречие Епифания Премудрого (автора первого жития преп. Сергия), считавшееся достоинством в его время, сделать для себя живым смыслом. Что же касается поздних версий, то особенность изложения Бориса Зайцева в том, что оно написано верующим, но светским человеком для светских же, в том числе не верующих или невоцерковленных людей. Таким

образом, очерк Зайцева помогает тому, чья душа «подняться хочет и не может»¹ – поднимая ее в доступную ей меру. Иначе говоря, произведение Зайцева делает образ святого Сергия достоянием – не масс (не к массам, конечно, обращен писатель) – но читающей публики, тем самым помогая человеку культуры подойти чуть ближе к церкви.

Причем здесь нужно говорить не об упрощении и адаптации, а о переводе (разумеется, не лингвистическом, а культурно-историческом) и проговаривании своего видения, своего опыта встречи. Человеку XIV века многословие Епифания Премудрого не только не мешало, но, напротив, помогало, создавало строй, атмосферу, в которой наилучшим образом доходила до сердца мысль автора. С тех пор изменился жизненный уклад, душевный строй. Да и просто слова, принятые в церковном кругу и некогда не нуждавшиеся в уточнении, уже в XIX веке производят действие порой обратное желаемому. Так, например, Борис Зайцев, отмечая скромность святого, пишет: «Возможно, что задумчивый Варфоломей, стремясь уйти, и чувствовал, что начинает дело крупное. Но представлял ли ясно, что задуманный им подвиг не одной его души касается?... Пожалуй, вряд ли. Слишком был он скромнен, слишком погружен в общенье с Богом»². Ясно, что слово «скромнен» не подошло бы для житийного жанра, требующего здесь каноничного и, казалось бы, всем понятного «смирнен». Но для современного человека, быть может, нет более превратно понимаемого слова, чем «смирение». Оно вызывает ассоциации с забитостью и приниженностью, причем не только у «гордецов», «не желающих унижаться», но и у тех, кто считает это своим христианским долгом. Кто не встречал таких смиренных, тот очень далек от церковной жизни.

Борис Зайцев подбирает нужные слова столь тщательно, что это нельзя счесть случайностью или просто само собой разумеющимся для автора способом изъясняться. Об этом свидетельствует не раз встречающееся заковычивание тех выражений, которые он порой употребляет. Совершенно очевидна цель этих кавычек.

Если «смирение» мы воспринимаем искаженно, то наша реакция на некоторые слова того древнего языка, который Зайцев любовно называет «мило-наивным», может доходить до казуса. Да, воцерковленный человек осведомлен о значении слова «страхование», но находящийся вне церковных стен может быть поставлен в тупик, встретив его в рассказе о жизни святого. Хотя современники Зайцева не встречали повсюду, как мы, вывески «Все

¹ Тютчев Ф.И. «О этот юг, о эта Ница...»

² Зайцев Б. Преподобный Сергий Радонежский // Зайцев Б. Белый свет. Проза. М., 1990. С. 191-192.

ки Зайцева не встречали повсюду, как мы, вывески «Все виды страхования», вовсе не имеющие цели напугать прохожего, напротив, приманивающие его, однако и для них нелишней была деликатность автора. Упоминая время от времени слова аскетического языка: «страхование», «клиросное послушание», «списание книжное», автор обязательно их закавычивает и комментирует, тем самым и делает шаг навстречу времени русского Средневековья, и обозначает свою принадлежность иному времени, иной культуре.

С этим связана еще одна отличительная особенность очерка Бориса Зайцева от житийной литературы. Строгое следование канону в житийном жанре не подразумевает проговаривание авторской позиции, автор просто не вправе заявить о себе и своем отношении прямо (что, конечно, не исключает, особенно в развернутых житиях, штрихов и черточек, по которым мы можем судить о личности писавшего). Произведение Зайцева написано в свойственной ему лирической манере, таким образом, жизнеописание преп. Сергия – не только изложение его жизни, но и почтительное общение автора с ним. Помимо лирической есть еще одна линия – исследовательская: осмысление масштаба, характера личности святого и его значения для истории Русской церкви и русского государства.

В опыте Бориса Зайцева есть и момент напряженный, рискованный. Как известно, изображение святости в художественной литературе – вещь проблематичная, если вообще до конца исполнимая. Вероятно, поэтому самые сильные в художественном отношении сцены касаются даже не самого Сергия – он перед нами все время как сквозь туман и дымку. Эта дымка разрывается, повествование становится ярким, когда речь идет, например, о том моменте битвы с Мамаем, когда засадный полк готовится вырваться из укрытия, чтобы переломить ход сражения: «С детства навсегда запомнился рассказ о Куликовской битве. Как прорвали “сыроядцы” русский фланг и наши стали отступать, а рядом в роще из засады наблюдали – князь Владимир Серпуховский с воеводою Боброком и запасным корпусом. Как рвался и томился князь, Боброк же сдерживал: “Погоди, пусть ветер повернет на них”»³. Борис Зайцев как будто стал учеником Сергия, усвоив себе его скромность и тихость. Говоря «с детства навсегда помнится», автор сводит свою роль к простому пересказу, а между тем создает картину сильную и многогранную. Здесь и быт татар, и восприятие их русским человеком, и отважный князь, боящийся «не успеть», вовсе не думающий о личной опасности, и опытный, не менее смелый воевода, точно рассчитавший момент нападе-

³ Там же. С. 224.

ния. А к тому еще отголоски музыки «Слова о полку Игореве». И все это в нескольких строках.

При всем том некоторые ходы автора представляются не вполне оправданными. Это касается тех случаев, когда он берется изобрести термин (или троп?), соединяющий физику и метафизику. Так, например, в главе «Отшельник» есть такие строки: «Говорят о теплопроводности физических тел. Почему не назвать «духопроводностью» то качество души, которое дает ощущать Бога, связывает с Ним»⁴. Почему? Потому что есть другие слова, выражающие то же, может быть, не так кратко, зато более глубоко: «нищета духа», «боговдохновенность», «открытость Богу». В конце концов, просто ввиду его неблагозвучности. Требовательный, придирчивый взгляд запинается и о такие строки: приступая к рассказу о чудесах преп. Сергия, автор рассуждает о сущности чуда вообще. Главным чудом справедливо называется «воскресение по смерти» – тут вряд ли кто-то будет возражать. Речь опять о выборе терминологии. «Бурей любви» называет Зайцев воскресение, что представляется совсем не согласующимся ни с духом православной аскетики, ни с образом преп. Сергия, в котором сам же автор главной и драгоценной, истинно русской чертой считает тихость. Такие огрехи возникают тогда, когда автор пытается соединить метафору с богословской терминологией. Возможно, здесь дает о себе знать человек серебряного века.

Однако все это мелкие царапинки, пожалуй, и невидимые невооруженному глазу, на ясной акварели, написанной Зайцевым, хвалящей и славящей любимого святого.

Литература:

1. *Зайцев Б.* Преподобный Сергей Радонежский // *Зайцев Б.* Белый свет. Проза. М.: Художественная литература, 1990.
2. *Тютчев Ф.И.* «О этот юг, о эта Ница...»

---

⁴ Там же. С. 194.